

О. И. Дзярнович

**ПОЭМА МАТЕЯ СТРЫЙКОВСКОГО
«БИТВА ПОД УЛОЙ» (1564 г.):
ОБРАЗНЫЙ РЯД И СОБЫТИЙНАЯ КОНКРЕТИКА**

Матей Стрыйковский как историограф

Для историографии и истории идей в Великом княжестве Литовском XVI в. личность Матея Стрыйковского представляется знаковой. Поляк по происхождению, в 16-летнем возрасте он оказался в Великом княжестве Литовском и стал его патриотом. Прежде всего он освоил военное ремесло, служил в Витебском гарнизоне, а также разведчиком на московской границе¹. Было что-то необычное в этом человеке, так как старые княжеские роды и магнateria Великого княжества охотно приближали его к себе. В разное время меценатами («хлебодавцами») Стрыйковского были Слуцкие князи Олельковичи, а в дальнейшем — жемайтйский епископ Мельхиор Гедройт, с помощью которого Стрыйковский получил свою последнюю должность жемайтйского каноника.

Но для нас важно то, что, живя при дворе слуцких Олельковичей, Матей Стрыйковский имел возможность пользоваться богатейшим собранием рукописей и хроник этого рода. Стрыйковскому были доступны многие другие источники, несохранившиеся и неизвестные нам сегодня. Принципиально то, что Стрыйковский стал автором первой опубликованной истории Великого княжества Литовского — «Хроники Польской, Литовской, Жемайтйской и всей

¹ Подробнее о биографии Стрыйковского см.: *Wojtkowiak Z. Maciej Strykowski — dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kalendarium życia i działalności*. Poznań, 1990. S. 13–98.

Руси» (1582)². Еще одно произведение Стрыйковского — «О началах...» — было издано только в 1978 г.³ Без учета «Хроники», главного труда Стрыйковского, а также других его произведений невозможно изучение истории ВКЛ до конца XVI в. включительно. Объективно, Матей Стрыйковский выполнил для Великого княжества Литовского (ВКЛ) ту работу, которую в свое время Ян Длугош исполнил для Польши⁴.

Но среди наследия Стрыйковского есть одно произведение, которое так и не было опубликовано до сегодняшнего дня, хоть легенды о нем существовали еще с XIX в. Речь идет о поэме под условным названием «Битва под Улой», в которой рассказывается о победоносном для войск Великого княжества сражении против московских войск в 1564 г. Рукопись поэмы из Петербургских собраний, созданных путем конфискации в бывшей Речи Посполитой архивных и библиотечных коллекций, еще в первой половине XIX в. попала в коллекцию профессора Вильнюсского университета Игната Онацевича, который после закрытия университета переехал в Санкт-Петербург⁵. Судьба рукописи и всей коллекции, имевшей статус частной, на протяжении XIX–XX вв. полна почти детективными деталями⁶. В XX в. она просто исчезла из поля зрения исследователей. Вновь открыта коллекция была в 1970-х гг. в Москве в фондах Института мировой литературы и передана в Санкт-Петербург (тогда Ленинград) в Пушкинский Дом (Институт российской литературы РАН)⁷. Толь-

² Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska, Litewska, Zmodzka, y wszystkich Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, etc. Y rozmaite przypadki wojenne y domowe, Pruskich, Mazowieckich, Pomorskich, y inszych krain Krolestwu Polskiemu y Wielkiemu Xięstwu Litewskiemu przyległych, według istotnego y gruntownego zniesienia pewnych dowodow z rozmaitych Historikow y Autorow postronnych, y domowych, y Kijowskich, Moskiewskich, Sławańskich, Liflantskich, Pruskich starych, Dotąd ciemnochnurną nocą zakrytych Kronik, y Latopiszczow Ruskich, Litewskich, y Długosza Oyca dzieiow Polskich z inszymi, z wielką pilnością y wężłowatą pracą (Osobliwie około Dzieiow Litewskich y Ruskich od żadnego przedtym niekuszonych) Przez Macieia Osostewiciwsa Strijkowskiego dostatecznie napisana, złożona, y na pierwsze światło z wybadaniem prawdziwie dowodney starodawności własnym wynalezieniem, przeważnym dochcipem, y nakładem nowo wydzwigniona przez wszystkie starożytnie wieki, aż do dzisieyszego Roku 1582. A tu przod wszystkich ile ich kolwiek iest ludzkich na Swiecie Narodow gruntowne wywody. Z łaską y Priwileiem Kro: J: M: Drukowano w Krolewcu v Gerzego Ostenbergera: M.D.LXXXII. fol., k. Tyt. I k.20 nlb; S.1–791.

³ *Strykowski M.* O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia / Opracowała J. Radziszewska. Warszawa, 1978.

⁴ *Семянчук А.* Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі. Гроднаб 2000. С. 69.

⁵ Подробно биография Игната Жеготы Онацевича и его, в том числе авантюрные, способы собирания коллекции освещены: *Iwaszkiewicz J.* Ignacy Żegota Onacewicz — historyk Litwy. Z dziejów dawnego Uniwersytetu Wileńskiego // *Studia i materiały z dziejów nauki polskiej.* Warszawa, 1961. Ser. A. Z. 4. S. 41–126; *Габрысевіч С. А., Марозава С. В.* Прафесар Ігнат Анацэвіч. Жыццё. Спадчына: Гістарычны нарыс. Гродна, 2005.

⁶ *S[obieszcański] F. M.* Wiadomość o zbiorze atlasów i map Ignacego Onacewicza // *Biblioteka warszawska.* 1849. T. 3. S. 406–407; *Васильев В.* Еще о руссах // *Северная пчела.* 1860. № 161. С. 660; *О-ч Я.* Несколькo слов об Игнатиі Онацевиче // Санкт-петербургские ведомости. 1860. № 209. С. 1060; *Ptaszycki S.* Wiadomość bibliograficzna o rękopisie nieświeskim Kroniki Macieja Strijkowskiego // *Pamiętnik literacki.* Lwów, 1903. R. 2. S. 220–246; *Pohorecki F.* Teki i zbiory Żegoty Onacewicza (Próba rekonstrukcji) // *Pamiętnik VI Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Wilnie.* 17–20 września 1935 r. Lwów, 1935. T. 1: Referaty. S. 414–424; T. 2: Protokoły. S. 194–196.

⁷ Обстоятельства нового обнаружения коллекции Онацевича см.: *Баскаков В., Панченко А.* Тайны старых папок // *Правда.* 21.09.1979. С. 6; *Бударгин В. П., Маркелов Г. В.* Новые поступления в Древлехранилище Пушкинского Дома // *Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома.* Сб. науч. тр. Ленинград, 1985. С. 12; *Iwaszkiewicz N.* Na tropach sensacyjnego odkrycia. Bezcenne polonica // *Literatura.* 1979. Nr. 51/52. S. 12–13; *Express Poznański.* 1980. Nr. 28, 29, 30; *Nikolajew S.* Odkrycie starej kolekcji // *Literatura*

ко совсем недавно рукопись поэмы Стрыйковского стала относительно доступной для исследования.

Рукопись представляет собой сборник из произведений Стрыйковского на 32 страницах, из которых поэма занимает страницы 15–32⁸. Еще в XIX в. юрист и архивист Виктор Калиновский (старший брат одного из руководителей восстания 1863 г. Константина Калиновского), опираясь на данные Залусского, отмечал, что первая страница рукописи является автографом Стрыйковского⁹. Других автографов Стрыйковского, за исключением одной его подписи, не сохранилось.

Художественные и идеологические образы поэмы

Текст поэмы написан на польском языке в его характерной версии XVI в. Полное название поэмы: «Стихотворение о поражении 30 000 москвитов с князем Петром Шуйским, воеводою Полоцким, в поле Иванским над Улой рекою, при действиях и управлении Ясновельможного Пана, Пана Николая Радзивилла [Рыжего], на Биржах и Дубингах князя, гетмана великого войск Великого княжества Литовского, и при важном командовании Ясновельможного Пана, Пана Григория Ходкевича, пана [кастеляна] Виленского и польных войск гетмана бдительного, года от Спасительного Рождения Христа Господа 1564, января»¹⁰.

В поэме описывается весь процесс битвы — от предистории Ливонской войны и момента выступления в поход московских войск во главе с князем Петром Шуйским до встречи их с войском ВКЛ и преследованием последним остатков московского войска, а также отступлением другой московской группировки во главе с князем Серебрянным.

Надо сказать, что события битвы 1564 г. неоднократно притягивали внимание Стрыйковского. В своей «Хронике» историк-поэт также дал описание битвы, но в этот раз прозаическое. Стрыйковский таким образом передал свои впечатления от

radziecka. 1980. Nr. 12. S. 150–153. Описание коллекции: Николаев С. Н. О коллекции Игнатия Онацевича // Духовная культура славянских народов. Литература, фольклор, история. Ленинград: Наука, Ленингр. отд., 1983. С. 197–209; Семянчук А. А. Калекцыя прафесара Ігната Анацэвіча ў «Пушкінскім Доме» // Ігнат Анацэвіч: Жыццёвы шлях, педагагічная і навуковая спадчына. Гродна: ГрДУ, 2008. С. 45–57. Подробно архивная история рукописи Стрыйковского проанализирована автором этой статьи: Дзярновіч О. «Невядомы Стрыйкоўскі»: Гісторыя рукапісу паэмы «Бітва пад Улай» (1564 г.) са збораў Пушкінскага Дому ў Санкт-Пецярбурзе // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 3. Мн.: Изд. центр БГУ, 2010 (в печати).

⁸ Пушкинский Дом. Коллекция Онацевича. X. 33.

⁹ Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich (Wrocław). Rkps. Ossolińskich 2895/II. Katalog zbiorów Żegoty Onacewicza ułożony przez Wiktora Kalinowskiego. K. 8[-4]; Biblioteka Jagiełłońska (Kraków). Rkps. 6767 II. Katalog rękopisów, dokumentów i map, które znajdowały się w bibliotece Żegoty Onacewicza w Petersburgu. Maszynowy odpis oryginału z biblioteki Feliksa Broel Platerra w Belmincie na Litwie, sporządzony na polecenie właściciela rękopisu przez Wiktora Kalinowskiego. K. 11 v.

¹⁰ «Wiersz o Porażeniu 30000 Moskwy z Kniaziem Piotrem Szoiskim Woiewodą Poloczkim w Poliu Iwanskim nad Ułą rzeka, za sprawą y rządzeniem Iasniewielmożnego Pana, Pana Mikolaia Radziwila na Bierzach y Dubingach Xiążeczcia, Hetmana Naiwysze[go] woisk W^o X^{wa} Litt^o, ze y za przeważnym z dokazowaniem Iasniewielmożnego Pana, Pana Hrehora Chodkiewicza, Pana Wilenskiego y Polnych Woisk Hetmana Czuynego, Roku od Zbawionne Narodzenia Chr[ist]usa Pana 1564 January».

посещения места битвы: «Я там сам в том поле Иванским видел еще стог большой, сложенный из костей московских, едучи из Витебска [в] год 1573»¹¹.

Поэма Стрыйковского не является просто стихотворным изложением событий битвы 1564 г. Это историческая фреска, в центре повествования которой действительно находится битва под Улой, но это событие включено в широкий контекст истории Великого княжества Литовского с аллюзиями на ренессансный стандарт историописания — событиям античной истории.

У Стрыйковского быть хитрым и осторожным разведчиком на войне — это значит «использовать уловки Улисса (Одиссея)»¹². А когда автор призывает помнить славу Ольгерда и Витовта, то сравнивает великих князей литовских с афинским архонтом Фемистоклом:

«Вспомните своих предков, как Москву били,
И как с Ольгердом в Москве копыя ломали.

Вспомните, как с Витультем (Витовтом. — *О. Д.*) за Можайск ходили,
Оку, Волгу и Угру с войском преградили.
Пушай вас количество не утрашит, ибо победы все
В руках Божьих имели... войска все.
Знаете, как Фемистокл Ксеркса разбил»¹³.

Еще один эпизод битвы 1564 г. отсылает к аллюзиям из античной истории — по призыву великого гетмана Николая Радзивилла, когда «трубы хриповатые битве знак подали»¹⁴, со своей ротой выскочил Юрий Зенович, который «пробивался через московские (ряды. — *О. Д.*) как Ахилл под Троей»¹⁵.

Как видим, метафорический художественный и историографический прием Стрыйковского — это помещение военной истории Литвы в контекст мировой истории, что в категориях образованного европейца XVI в. соответствовало параллелям с античными событиями. Но и собственно история Великого княжества Литовского занимает у автора центральное место.

Кроме того, отличительная особенность авторского видения — это появление понятия Отчизны. Стрыйковский в своей поэме ни разу не вспоминает, например, Сигизмунда Августа, во времена правления которого произошла битва. Но он пишет о «любимом Отечестве как настоящий сын, видя, что уже меч кровавый, висящий

¹¹ «Jam tam sam w tym polu Iwańskim widział stog kości Moskiewskich złożony, jadąc z Witebska roku 1573» (*Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmudzka i Wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Wydanie nowe, będące dokładnem powtorzeniem wydania pierwotnego krolewieckiego z roku 1582, poprzedzone Wiadomością o życiu i pismach Strykowskiego przez Mikołaja Malinowskiego, oraz Rozprawą o latopiscach Ruskich przez Daniłowicza, pomnożone przedrukiem dzieł pomniejszych Strykowskiego według pierwotnych wydań. Warszawa, 1846. T. II. S. 415).*

¹² «Który Ulissesowych fortelów używał».

¹³ «Wspomniczcie na swe przodki, jak Moskwę bijali
I jak z Olgierdem w Moskwie kopije łamali
Wspomniczcie, jak z Witultem za Możajsk chodzili
Okie, Wołgę i Uhre z woiski przehrodzili
Niech was wielkość niestraszny, bo zwyczajstwo wszelkie
W ręka(ch) Bożych miały... woiska wszelkie
Wiecie jak Themistokles Xerkesa zgromił».

¹⁴ «...trąby chrapliwy bitwy znak podali».

¹⁵ «Jurgi Zienowicz z rotą na czoło wyskoczył...
Przebijał Moskiewskich jak Achil pod Troją».

над ее шеей»¹⁶. Предшественники Стрыйковского из недалекого прошлого защищают совсем не Ягеллонов. Юрий Зенович «для милого Отечества кровь пролил дорожную»¹⁷. Этот образ повторяется в поэме неоднократно: «... всегда Отечество общее защищать приятно»¹⁸.

Принципиальная же позиция Стрыйковского как историографа ВКЛ проявляется в том, что понятие Отечества у него неразрывно связано с понятием свободы, как ее воспринимало шляхетское сословие. Польный гетман Григорий Ходкевич обращается к своим войскам:

«Молвил им о рыцарстве, о народе вольном,
Сегодня [нам] Отечества свободы, славы нашей защищать,
Дедов, жен и братьев сегодня наших заслонить»¹⁹.

Так же и Николай Радзивилл призывает «защищать Отечество, которое нас воспитало, а свободы с достоинством все необходимы дальше»²⁰.

Отчетливая линия поэмы — глорификация (восславление) полководцев Великого княжества, прежде всего — великого гетмана Миколая Радзивилла:

«Николай Радзивилл, с Троков воевода,
Тогда ж был гетманом великим, муж большой красоты,
Который был верховным предводителем войск бдительным.
А от предков и своим мужеством издавна в Москве был важным»²¹.

Значительно меньшей славы после самой битвы удостоился в трудах современников другой герой битвы — Григорий Ходкевич. Но у Стрыйковского сам план операции великий гетман разработал совместно с польным гетманом:

«Сразу же с Григорием Ходкевичем, польным гетманом,
Который славной памяти был Виленским паном [кастеляном],
Удалились в срочном совещании — и так постановили...»²².

Как обратил внимание крупнейший польский специалист по наследию Стрыйковского Збыслав Войтковяк, именно сообщения «Петербургского кодекса» позволяют нам сместить акцент только с фигуры Николая Радзивилла и на Григория Ходкевича²³. В самой этой «конкуренции за славу» видится отзвук борьбы магнатских группировок в Великом княжестве Литовском.

¹⁶ «Ten miłujące ojczyznę jak własny syn prawy,
Widząc już miecz nad szyją jej wiszącą krwawą».

¹⁷ «A dla miłej ojczyzny krew wprzód rozlał drogą».

¹⁸ «...zawždy ojczyzny spólnej bronić miło».

¹⁹ «W tym Hrehory Chodkiewicz sławny Hetman polny,
Rzekł do nich o Ryczerstwo, o narodzie wolny,
Dzis ojczyzny wolności sławy nasze bronić,
Dziatki zony y bracją dzis naszi zaslonicz».

²⁰ «Bronzie miley ojczyzny czto was wychowała
A wolności z hodnością wszech potrzeb nadal».

²¹ «Mikołaja Radwiła z Troków wojewody,
Gdyż był Hetmanem wielkim mąż wielkiej urody,
Który rządzicielem wojsk był najwyższym baczny.
A z prodków i swym męstwem zdawna w Moskwie znacznym».

²² «Z Hrehorem Chodkiewiczem wnet polnym Hetmanem,
Który sławnej pamięci był Wileńskim Panem,
Udał się w pilną radę — tak postanowili».

²³ *Wojtkowiak Z.* Odnaleziony tekst Macieja Strykowskiego o bitwie z Moskwą 1564 roku i inne rewelacje w zbiorach rosyjskich i nie tylko. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2010. S. 97.

Но как в поэме Стрыйковского изображен собственно враг — московское войско и его военачальники? Следует сказать, что это враг достойный, борьба с которым требует максимального напряжения. В том числе и для обозначения этого положения в поэму введен античный образ Ксеркса — как метафоры могущественного московского властителя.

Сама динамика битвы готова увлечь всякого, и неизвестно, кто выйдет победителем в каждом конкретном столкновении:

«Юрий Зенович с ротой во главе выскочил
И мужественно с московскими полками в битве сразился,
Сам в первой стычке на вылет копьем
Москвитина проткнул, аж дух вышел из шеи»²⁴.

Вместе с тем в поэме Стрыйковского нет признаков цивилизационного противостояния или симптомов культуртрегерства. Хотя, конечно, выстраивание дихотомии Литва — Москва как Фемистокл (Афины) — Ксеркс (Персия) можно интерпретировать как противостояние «демократии» (шляхетских свобод) с деспотией. Но в самом тексте поэмы нет подобных оценочных суждений, и политические установки глубоко спрятаны под образностью античных сюжетов.

Новая историческая информация поэмы

Но кроме художественных метафор и патриотических установок в поэме Стрыйковского содержится также определенная историческая информация, дополняющая сведения известных источников о битве под Улой.

В первую очередь, тут следует вспомнить дискуссию о количестве участвующих в сражении войск²⁵. Непосредственно после битвы Николай Радзивилл писал о 17–18 тыс. человек в группировке Шуйского²⁶. Как следует из самого названия поэмы, Стрыйковский первоначально определял это количество в 30 000 тыс., но уже в «Хронике» соответствующий раздел имеет заголовок «О поражении 25 000 москвитин на Уле»²⁷. На самом деле тут противоречий нет, так как автор отмечает в тексте «Хроники», что «Москвы 25 000 было разгромленных и побитых, также до Полоцка едва 5000 убежало, и то раненых»²⁸. Таким образом, фактически Стрыйковский остался верен своей цифре в 30 000 московского войска.

Но в любом случае, так же при спорности отдельных цифр, войска ВКЛ уступали в численности своему противнику. И во многом военный успех литовских гетманов был обеспечен неожиданностью атаки. В Дополнении к Никоновской летописи эта ситуация была обрисована следующим образом: к российскому командованию выставлялись упреки, что «шли не по государеву наказу, оплошася, не бережно

²⁴ «Jurgi Zienowicz z rotą na czoło wyskoczył
A mężną z Moskiewskimi ufy bitwę stoczył,
Sam na pierwszym potkaniu na wylot kopiją
Moskowiczyna przerzył, aż duch wypadł szyją».

²⁵ См. обзор приводимых в источниках сведений: *Янушкевич А. М.* Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск, 2007. С. 76–78.

²⁶ Копия с письма, присланного литовским гетманом в Варшаву на имя пана Радивилла // ЧОИДР. 1847. Кн. 3. Отд. 3. С. 2.

²⁷ *Strykowski M.* Kronika Polska... S. 414.

²⁸ «Moskwy 25 000 było rozgromionych i pobitych, tak iż do Połocka ledwo 5000 ubiegło i to rannych» (*Strykowski M.* Kronika Polska... S. 415).

и не полки, и доспехи свои и всякой служебной нарядь везли въ санехъ»²⁹. В свою очередь, неожиданный маневр войск ВКЛ стал возможен благодаря отлично поставленной разведке — Радзивилл «имел сведения и от слуг, преимущественно шпионов, знал, что в то время в Полоцке и на Москве совершалось»³⁰. И вот только в поэме Стрыйковского мы узнаем, кто был информатором великого гетмана:

«Знал... когда войско уже должно было выступать,
Имел при себе Попа, который бывал в Полоцке»³¹.

И вот именно этот православный священник помог «использовать уловки Улисса».

Из других источников хорошо известно, что после битвы погиб и московский воевода Полоцка князь Петр Шуйский. Александр Гваньини сообщал, что раненого Шуйского во время отступления убил топором крестьянин из соседнего селения³². В свою очередь Бреденбах дополняет, что труп Шуйского нашли в колодце³³. Российские источники, а именно «Пискаревский летописец», дополняют эти сведения: «Князя Петра Шуйского збили с коня, и он с дела пеш утек, и пришел в литовскую деревню, и тут мужики, его ограбя, и в воду посадили»³⁴. Тут, конечно, очень благодарная фактура, чтобы выстроить патриотический сюжет, как белорусский крестьянин уничтожает московских оккупантов. Но только поэма Стрыйковского дает нам некоторые детали этой трагической истории:

«Князь Шуйский Петр с Полоцка, тех войск воевода,
Видя, что неожиданное пришло к нему приключение,
Сам один через лес убежал, там лишился коня, затем
Пришел к крестьянину... и [был] в цепочке золотой,
Просил, что бы до Полоцка отвез его живого,
Обещая ему подарок великий...
Крестьянин вез его на санях, и видя регалии,
Ударил его сзади топором, не заботясь о его добродетелях.
Так тот гетман московский славный тогда погиб,
Который был славный подчинением татар казанских,
А над шведами в Ливонии был победителем всегда»³⁵.

²⁹ ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. 2000. С. 377.

³⁰ «A mając wiadomości i od sług, przeważnych szpiegów —
Wiedział co się wówczas w Połocku i na Moskwie działo».

³¹ «Widziel... kiedy woisko iuz iszcz miało
Miał przy sobie Popa czo w Poloczku bywał».

³² *Gwagnini A.* Kronika Sarmacyey Europeyskiej // Zbiór dziejepisów polskich. T. 4. Warszawa, 1768. S. 109.

³³ См.: Копия с письма, присланного литовским гетманом в Варшаву на имя пана Радивилла... С. 5;
Янушкевич А. М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна... С. 85.

³⁴ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. С. 190.

³⁵ «Kniaź Soiski Piotr z Połocka tych wojsk wojewoda
Widziąc iż niespodzianie przyszła nań przygoda
Sam jeden przez las uciekł, tam konia zbył, po tym
Przyszedł do chłopca... i w łańcuhu złotym
Prosił by do Połocka odwiózł go żywego
Ślubując mu dar wielki... prawdziwego
Chłop wioząc go na saniach, a widząc klejnoty
Ciął go z tyłu siekierą, nie dbał jego cnoty.
Tak ten Hetman Moskiewski sławny w ten czas zginął,
Który kazańskich Tatar zhołdowaniem słynął,
A nad Szwedzy w Liflanty był zwycięzcą zawždy».

Тут интересно будет узнать реакцию Радзивилла, когда он прибыл на место этого происшествия:

«Горюя от бесчестия, возвел он в небо очи,
Плакал, а слеза за слезой выжимается из влажных зрачков»³⁶.

Далее Радзивилл

«...потребовал достойного погребения, а
Крестьянину этому... который соvrащенный был цепью золотой,
Приказал отрубить голову — для Каина добродетели ничего не значат»³⁷.

Таким образом, поведение полоцкого крестьянина великий гетман расценил не как героизм, а как мародерство, что по законам военного времени каралось смертью. Не правда ли, этот эпизод является очень неплохой иллюстрацией к тому, как уважительно Стрыйковский выстраивает образ врага.

Несомненно — окончательное прочтение текста поэмы Стрыйковского и ее публикация, подготовка которой ведется, поможет раскрыть некоторые, иногда неожиданные страницы истории Ливонской войны и принципы ее описания.

Summary

Maciej Strykowski is a key figure for the historiography of the Grand Duchy of Lithuania (GDL) of the 16th century. In “Pushkin House” (St. Petersburg) in the Onacewicz Collection is yet unpublished manuscript of Maciej Strykowski’s “The Battle of Ula” poem (near the River Ula, 1564).

The poem describes the whole process of the battle: the prehistory of the Livonian War and the moment he took the field in Moscow troops led by Prince Peter Shuisky, before meeting them with the GDL army and the pursuit of remnants of Moscow troops, as well as the retreat of another Moscow factions headed by Prince Serebrennyi. The poem praises the military leaders of the Grand Duchy – Highest Hetman Mikołaj Radziwill and Field Hetman Gregory Chodkiewicz.

Strykowski’s poem is not just a poetic statement of the events of battle in 1564. This is a historic mural in the center of the story that really is a battle of Ula, but this event is included in the broader context of the history of the Grand Duchy of Lithuania with allusions to Renaissance standards of historical writing – the events of ancient history. Simultaneously, the poem creates an image of the Fatherland. The concept of the Fatherland is inseparably with a gentry (szlachta) freedoms.

³⁶ «Bojąc nad pohańbieniem wznioł w nebo oczy,
Płakał, a śłozę za śłozą mokrych źrenic tłoczy».

³⁷ «I zażądził godny pochówek poległych, zaś
Chłopa owego... który ulakomiony był łańcuchem złotym,
Kazał ściać, bowiem... u Kaina cnota nie waży».